

Глава 7

На этот раз добыча Фань Цзина оказалась богаче, чем в прошлый.

Кан Хэ вышел из комнаты вслед за ним, держа в руках небольшой детский лук. Он было попытался натянуть большой, но чуть не получил тетивой по лбу, и Фань Цзин бросил ему этот, поменьше.

Фань Цзин сорвал с корзины дырявую мешковину и принялся выкладывать трофеи: один пёстрый фазан, две серые полевые птицы и, к всеобщей радости, тушка молодого дикого поросёнка.

Длинные ноги фазана были крепко связаны, и он мог лишь беспомощно хлопать крыльями. Фань Цзин разрезал верёвку и велел Чжэньэр привязать птицу к перечному дереву во дворе и насыпать ей немного отрубей.

Полевых птиц он подстрелил из рогатки: у одной была повреждена лапка, другая, получив удар по голове, уже еле дышала. Обе вместе весили не больше фунта. С острыми клювиками и большими, немного глуповатыми глазами, они выглядели невзрачно. Никто не знал, что это за порода, в деревне их звали просто «глупышками». Но бульон из них получался отменный, мясо — нежное, как у голубя, и очень питательное. Такие птицы ценились в городе у богатых господ, но достать их было трудно. Один из постоянных покупателей давно просил Фань Цзина, если попадётся такая дичь, непременно нести ему, и даже дал пару монет в задаток.

Фань Цзину нужно было после обеда отправиться в город, чтобы продать птиц по хорошей цене, пока они не испустили дух.

Молочный поросёнок, весь в пятнах запекшейся крови, был уже мёртв. Ещё утром, когда Фань Цзин спускался с горы, тот был жив, но, видимо, не перенёс тряски по дороге.

Вся семья сбежалась посмотреть на добычу. Фазан был живой, «глупышки» — редкая находка, так что все понимали, что их придётся продать. Оставался только поросёнок. Но что взять с такой тушки? Весу в ней было от силы двадцать цзиней. После ошпаривания и потрошения останется и того меньше. К тому же, такого маленького поросёнка целиком не продашь — кому нужна тушка без какой-нибудь части, если её собираются жарить целиком? Так что семье достанутся только потроха.

Как и ожидалось, Фань Цзин, ошпарив тушку кипятком и соскоблив щетину, вспорол ей брюхо и вынул внутренности. Самого поросёнка он отложил в сторону, оставив на столе лишь требуху.

В последние годы из-за войны жизнь у всех стала тяжелее, и даже богатые дома, раньше предпочитавшие баранину и почти не евшие свинину, стали включать её в свой рацион. Дешёвая свинина немного подорожала, и в деревне стало больше хозяйств, державших свиней.

Чэнь Саньфан скривила губы и с сомнением произнесла:

— Мясо дикого кабана и так пахнет сильно, а потроха — и подавно. Как же их готовить?

Она не то чтобы брезговала требухой — в крестьянской семье не до изысков. К тому же, в городских харчевнях потроха готовили так, что пальчики оближешь. Её муж, любитель выпить, иногда, купив вина, тратил несколько медяков на дешёвые потроха с уличного лотка. Чэнь Саньфан пробовала — никакого неприятного запаха, да и Цяозэр они нравились. Жаль только,

что у неё самой не было такого кулинарного таланта.

Поразмыслив, она открыла стоявший в прохладном углу чан. В нём хранились прошлогодние солёные бобы и капуста. Она решила потушить потроха с ними, надеясь, что сильный кислый вкус перебьёт неприятный запах.

Пока Чэнь Саньфан возилась с готовкой, на кухню, шлёпая мокрыми сандалиями, вошёл Фань Шоулинь.

— После обеда приберись в западной кладовке.

— Зачем её убирать? — нахмурилась Чэнь Саньфан. — Там же сплошной хлам.

— А где, по-твоему, будет спать Кан Саньлан? Не положишь же ты его в первую же ночь в одну комнату со старшим сыном?

— Рано или поздно им всё равно спать вместе. В первый день можно и без церемоний.

Но Фань Шоулинь был другого мнения:

— Хоть он и зять, приходящий в дом, но свадьба должна быть настоящей. Нужно будет устроить пир, позвать соседей, отпраздновать как положено.

Услышав, что муж замышляет большое торжество, Чэнь Саньфан с силой бросила тряпку и принялась спорить:

— Урожай в этом году небогатый, зерна едва хватит, чтобы прокормить семью. Я собиралась продать один дань, чтобы были деньги на повседневные расходы, а теперь в доме лишний рот, какое уж тут продавать! Староста каждый день ходит по деревне, торопит с налогами, а мы ещё не платили!

— Да Цзин в этом году не дал тебе денег на налоги? — спросил Фань Шоулинь.

— Дал пятьсот монет, — не стала скрывать Чэнь Саньфан.

— Разве этого хватит на налог за землю в один-два гуаня? — помолчав, Фань Шоулинь добавил:

— Но и на том спасибо, что хоть что-то даёт. Пятьсот монет — тоже не малые деньги.

Чэнь Саньфан сверкнула глазами:

— Легко тебе говорить, когда ты денег не считаешь! Пять гуаней отдали семье Кан, последние крохи из дома вымели. А ты всё о пире думаешь, о чести своей печёшься! Даже если позвать только родню да близких соседей, всё равно придётся накрывать столов десять.

— Даже если готовить по-простому, сэкономить на всём, один стол обойдётся в семьдесят-восемьдесят монет. Десять столов — это почти гуань. Ты, Фань Шоулинь, так разбогател, что можешь выложить такие деньги? Или у тебя такая репутация, что тебе мясо и овощи для пира в долг дадут?

— Пир, конечно, дело затратное, — слабо возразил Фань Шоулинь, — но ведь и гости с подарками придут. В итоге не так уж и много потратим.

— Это порядочные люди принесут тридцать-сорок пять монет. А ведь есть и такие наглецы, что притащат корзинку яиц, а явятся всей семьёй и займут полстола.

Что стоят эти яйца? За одну монету можно два купить. Некоторые просто ходят по гостям, чтобы наесться до отвала.

— И это ещё не всё! — продолжала она. — Комнату для новобрачных тоже нужно привести в порядок. На кровати Да Цзина им вдвоём не поместиться. А мебель? Ни шкафа, ни туалетного столика? Молодые женятся, а им даже двух отрезков ткани на новую одежду не купят?

Не устроить пир — это ещё можно объяснить. Но жить без самого необходимого — это уже не жизнь.

— Хорош же ты, только о внешней стороне дела и думаешь.

Фань Шоулинь молчал. Раньше в деревне над ним посмеивались, что у него нет сыновей и род его прервётся. Теперь же, когда в моде были богатые выкупы, он боялся, что и гэр, и две дочери так и останутся сидеть в девках. А тут Да Цзин нашёл себе пару, и ему так хотелось, чтобы вся деревня это увидела. Он и не думал, что всё это потребует таких расходов.

Он потёр виски.

— Что-то у меня голова разболелась. Наверное, на холодном ветру продуло. Пойду я...

— Ах ты, старый плут! — Чэнь Саньфан схватила его за рукав. — Как только до дела доходит, так сразу болеешь! Думаешь, если ты заболеешь, у меня монеты из воздуха появятся?

Уличённый во лжи, Фань Шоулинь смущённо кашлянул.

— Сколько у нас денег осталось?

— Около гуаня, — холодно бросила Чэнь Саньфан. — И не смей на них рассчитывать, налоги ещё не уплачены.

— И это всё?

Видя недоверие в глазах мужа, Чэнь Саньфан, до этого говорившая вполголоса, повысила голос, готовая пересчитать ему каждую копейку:

— Мы круглый год гнём спину на этих нескольких акрах тощей земли! Ты говоришь так, будто я что-то утаила! С тех пор как я вошла в твой дом, разве хоть один год мы жили в достатке? Разве ты сам не знаешь, остаются ли у нас излишки к концу года? Будь ты хоть немного расторопнее, мне бы не пришлось каждую монету на две части делить!

Две девочки на кухне, услышав ссору родителей, затаили дыхание. Цяоэр поставила корзину с овощами и тихонько выскользнула на улицу.

— Ну и язык у тебя, — не выдержал Фань Шоулинь, уязвлённый в самое сердце. — Не зря мои родители говорили, что ты сварливая.

Но Чэнь Саньфан не боялась, что он приплетает свёкра со свекровью.

— Это ты заладил про пир! Так и скажи, где взять столько денег! Если мы сейчас потратим все сбережения, то после этого пира нам останется только ветер глотать! Хочешь устроить праздник — иди и занимай деньги сам, у тебя ведь столько дружков, с кем ты выпиваешь и болтаешь!

Грудь Фань Шоулиня тяжело вздымалась. Он сверлил жену гневным взглядом, но, готовый уже разразиться ответной тирадой, вдруг увидел вошедшего в кухню Фань Цзина. Сын стоял с холодным, непроницаемым лицом. Фань Шоулинь тут же закрыл рот и, заложив руки за спину, понуро удалился в главную комнату.

Чэнь Саньфан тоже умолкла и, схватив кочергу, принялась без всякой надобности ворошить угли в очаге. Лишь тогда лицо Фань Цзина немного смягчилось.

Кан Хэ, почувствовав напряжённую атмосферу на кухне, подошёл к вышедшему Фань Цзину и тихо спросил:

— ...Ссора?

Фань Цзин покачал головой, давая понять, что это не его дело. Кан Хэ не стал расспрашивать дальше. Даже если бы Фань Цзин и захотел рассказать, он вряд ли бы что-нибудь понял. Да и без слов было ясно: в бедных семьях ссоры, как правило, случаются из-за денег. Он видел такое с самого детства.

Перед отъездом он заметил, как сваха передала его приёмной матери пять гуаней — должно быть, выкуп от семьи Фань. Отец, кажется, хотел отдать эти деньги ему, но мать воспротивилась, и они тоже поссорились за закрытыми дверями. Перед самым уходом отец тайком сунул ему в сумку два мешочка с монетами, велел хорошенько их спрятать. По дороге в повозке он от нечего делать пересчитал их — двести двадцать монет.

Деньги, вроде бы, и не большие, но и не малые. Для крестьянина в качестве личных сбережений — сумма приличная, но для самостоятельной жизни в чужих краях — крайне недостаточная. По пути Кан Хэ видел крытые соломой хижины, даже дома под черепицей были редкостью, а уж о добротных усадьбах и говорить нечего. Было очевидно, что простой народ живёт небогато, большинство — в бедности.

Раз народ бедствует, значит, и времена беспокойные, а найти заработок на стороне трудно. В голове у Кан Хэ созрел новый план. Прежде всего, ему нужно выучить местный говор, иначе ничего не выйдет. А во-вторых, нужно скопить немного денег. Если он когда-нибудь уйдёт из семьи Фань, он должен будет, по крайней мере, вернуть им те пять гуаней выкупа.

Обед подали поздно. Чэнь Саньфан приготовила пять блюд: похлёбку из свиных потрохов с квашеной капустой, жареный цзяобай (дикий рис) с вяленным мясом, тушёную пекинскую капусту на мясном бульоне, паровые пирожки с начинкой из лука-порея и салат из огурцов и латука.

За квадратным столом на длинных скамьях обычно сидела вся семья из пяти человек: две девочки — у двери, отец — спиной к северной стене, мать — слева от него, а Фань Цзин — справа.

Чжэньэр и Цяоэр расставляли посуду. Сегодня в доме был гость, и, расставив миски и палочки на привычные места, Чжэньэр замешкалась с последним прибором, не зная, куда его поставить. Цяоэр взяла у неё из рук палочки и миску и поставила их рядом с местом старшего брата. Сёстры переглянулись и хихикнули.

Даже на Праздник середины осени у них не было такого угощения. Вся семья уселась за стол, и предвкушение вкусной еды быстро прогнало утреннюю ссору. Чэнь Саньфан радушно потчевала Кан Хэ.

Потроха дикого кабана имели сильный запах, который не смогли перебить даже прошлогодние, очень кислые соленья. Почти никто не притрагивался к этому блюду, один лишь Фань Шоулинь уплетал его за обе щеки — всё-таки мясо.

После обеда Фань Цзину нужно было идти в уезд продавать дичь. Чэнь Саньфан велела ему взять с собой и Кан Хэ. И как раз вовремя: не успели они уйти, как во двор потянулись любопытные женщины и фуланы, прослышавшие о приезде зятя. Фань Шоулинь, видя такое оживление, понял, что его непременно начнут расспрашивать о дате свадьбы. Жена устраивать пир не хотела, а отвечать на вопросы ему было неловко, поэтому он, забыв про послеобеденный сон, выскользнул через заднюю дверь.

<http://bllate.org/book/13421/1194815>